

Рисунок Бухарона Владимира

иеромонах Дамаскин (Лесников)

ЧУДО ПОЮЩЕЙ АРФЫ

Митрополит Антоний Сурожский
о призвании и служении священника

Митрополит Сурожский Антоний... Его имя известно многим. Но за внешними атрибутами выдающегося проповедника, богослова и «автора» множества книг (как известно, книг владыка не писал, записывали за ним, его живую речь), стоит прежде всего очень вдумчивый христианин и благоговейнейший священнослужитель. Говоря о призвании и служении священника, хотелось бы отметить именно эту сторону его личности: благоговейного, тре-

петного отношения к священнослужению в Церкви как служению Богу и людям, которое он воспитывал, возвращал в себе в течение многих лет своей жизни.

«Печать Божия»

Размышляя о призвании человека к священству, митрополит Антоний выделяет три основных момента. Во-первых, призвание непосредственно

от Бога, когда человек слышит в своей душе слова Господа: «Будь моим священником, паси Моих овец». Во-вторых, это серьёзная, осмысленная готовность пойти по пути страданий Христовых, решительный положительный ответ на вопрос Христа: «Можешь ли пить Мою чашу, готов ли погрузиться в тот ужас человеческого страдания, который и Я испытал?» (Мф. 10:38-39). В-третьих — свидетельство людей из церковной общины, желающих видеть конкретного человека священником, готовых доверить ему и молитву, и богослужение, и проповедь, готовых идти к нему на исповедь. Люди как бы со стороны прозревают в этом человеке «Божью печать». Но свидетельство должно исходить не только от церковной общины. Владыка убеждён, что в итоге всё решает видение епископа: «Я не представляю себе, чтобы епископ имел право поставить человека, на котором он не видит этой (Божьей) печати».

Священники и монахи

Будущему священнику необходимо избрать один из двух путей: монашество или брачную жизнь. Этот выбор требует от человека определённой зрелости. Нельзя «принуждать людей вступать в путь, о котором они никакого понятия не имеют».

Ведь и для монашества, и для супружества необходимо созреть в личном плане, чтобы потом, став священником, не быть «недорослем», не быть тем, в чьей душе звучит лишь две-три струнки, а не весь орган. Только многолетнее самоиспытание, считает владыка, способно явить в будущем священнике «чудо поющей арфы». Церкви «нужны люди расцветшие, люди живые до глубин, которые могут в других родить жизнь; и это — роль священника и роль монаха».

Реализм — прежде всего

Частью подготовки к священнослужению является правильное отношение студента духовной школы к своему образованию. Оно может дать первый значимый опыт смирения, столь необходимый будущему священнику. Как учащийся, так и окончивший курс семинарии или академии, должны относиться к полученным знаниям с благоговением, как к бесценному Божьему дару. Тот, кто окончил духовную школу, «должен помнить, что всё это знание ему не принадлежит, что это ему был подарок, — подарок от Бога, так же как ум, которым он оказался способным воспринять эти знания, и подарок со стороны Церкви, гражданского общества, семьи, друзей, древней

и современной литературы... Если он обладает этими свойствами, то есть умом, образованностью и прочим, он должен научиться быть благодарным, но не демонстрировать их». Впрочем, это не должно становиться поводом к пассивности и лжесмирению: «не побеждённость, а активное смирение, активная примирённость, активный внутренний мир делают нас посланниками, апостолами, людьми, которые посланы в тёмный, горький, трудный мир, и которые знают, что там их природное место или благодатное место».

Думающий о принятии сана должен воспитывать в себе подлинно евангельскую нищету духа. А «нищи духом те, которые сознают, что всё, что у них есть, — от Бога, и вместо того, чтобы ради приобретения ложного смирения отказываться от этого, отрицать это, они... обращаются к Богу с благодарностью за то, что Он это им дал». Поэтому «каждого студента... нужно учить этому: всё, что у него есть, всё богатство — ему дар от Бога; и когда люди хвалят его, чтобы он внутренне не принимал, а превращал похвалу, которую получает, в благодарение Богу и в сокрушение сердечное...». Можно сказать и так: тот, кто желает действительно идти по пути смирения, должен стремиться к тому, чтобы и Бог, и люди, окружающие его, «не видели в нём того, чего в нём нет», смирение — «это прежде всего реализм; когда на мысль, будто я гениален, я спокойно себе отвечаю: Не будь дураком, ты очень посредственный человек...».

Грех священника

Порою из уст студента духовных школ можно услышать размышления о своём крайнем недостатке и невозможности принятия священного сана. Действительно, нет достойных этой величайшей чести. Однако если человек по-настоящему думает о священстве, он обязан давать правильную оценку своей греховности. Такую оценку, когда грехи «как нож впиваются в твою душу». Только в этом случае человек может «примириться со Христом, несмотря на то, что ты еще ничуть не стал лучше; но ты осознал, что ты собой представляешь...» Ответственность достойного несения сана священника столь велика, что владыка даже одобряет опыт тех священников, которые, совершив «один раз... преступление против того или другого основного внутреннего закона», «никогда больше не служили, отказавшись от своего священства, потому что знали, что перед Богом они не могут больше предстоять в священном сане». Каждый, имеющий намерение стать священником, должен задуматься над этим.

«Мы делаемся членами Христова воинства, а воинство призвано к борьбе, призвано воевать. Мы теперь делаемся не только спасаемыми овцами стада Христова, мы теперь делаемся Его посланниками в мир, мы Им посылаемся через весь мир пронести весть евангельскую, и, если нужно, доказать ее истинность, правду ее жизнью и смертью. И порой жизнью доказать правдивость учения Христова бывает трудней, чем мгновенной смертью.»

Антоний (Блум), митр. Сурожский
Труды. Книга вторая. — М., 2007. — с. 220

Армейское служение

В последнее время много обсуждался вопрос об армейской службе студентов духовных школ. В связи с этим интересна роль армии в жизненном пути и пастырском служении митрополита Антония.

Андрей Блум пошёл в армию по призыву в 1939 году. В самом начале Второй мировой войны будущий митрополит Антоний работал хирургом французской армии в большом военном госпитале, расположенном недалеко от линии фронта. Владыка позже вспоминал, что армия стала для него, тогда уже тайно принесшего монашеские обеты молодого врача, хорошей монашеской школой. Беспрекословное подчинение приказам офицеров позволяло оставаться внутренне свободным, научало ценить эту свободу при внешней стеснённости действий. Ведь в армии человек выполняет приказы не добровольно, а заповеди Христа нужно исполнять только свободно. Оказывается, что последние исполнить гораздо сложнее, чем внешние приказы. В условиях жёсткой армейской дисциплины христианин трудится, прежде всего, над тем, чтобы остаться свободным от греха, сохранить праведность ради Христа (Рим. 6:18). И иерархическое подчинение или различные трудности службы этому отнюдь не мешают. Наоборот, они развивают внутреннюю собранность, внимание, «то состояние, когда мы собраны внутри себя, живём в глубинах и из этой глубины можем видеть надвигающееся на нас нападение».

Армейская служба научила владыку Антония правильно относиться и к материальным ценностям. У солдата нет ничего своего, всё казённое. Вещи не связывают его, не загоняют в рабство себе.

Армия — это и школа укрепления в вере. Чувство опасности и незащищённости, которое испытывает любой солдат в условиях армейской, а тем более военной жизни, научает его искать помощи лишь у Бога, полагаться только на Него.

Владыка считал, что в военной ситуации чувство страха естественно для человека, но следует отличать его от проявления трусости, которая выявляет в человеке самые низменные черты.

Армейский быт, его скудость и простота, необходимость взаимовыручки научили владыку Антония смотреть на жизнь не только с точки зрения себя самого, но и с позиции других, и это было очень важное приобретение.

Литургия

Центральное Таинство Церкви — Евхаристия — как осуществление Боговоплощения в мире, совершается в абсолютном смысле Самим Христом и никакая священническая благодать, «даже никакая человеческая святость не может дать человеку ни права, ни власти принудить Бога воплотиться в хлеб и вино, и никакая человеческая власть не может этот хлеб и это вино соединить с Божеством Христа силой Духа Святого». Однако именно это положение позволяет говорить о многообразном и предельно ответ-

ственным участии в совершении этого таинства священнослужителя.

Прежде всего, священник должен понимать, что Таинство Евхаристии дано только собранию, общине христиан, православный священник не может совершать его в одиночку, сам по себе. Евхаристия совершается в единстве Церкви, священник такой же со-участник Евхаристии, как и любой другой член церковной общины. Развивая эту мысль владыки, следует отметить, что поскольку и без священника Литургия также не совершается, то сколь достойным должен быть священник того доверия, которое оказано ему Богом: быть свидетелем и со-творцом освящения людей через Евхаристию, непрекращающуюся жертву Христа.

Владыка, как известно, очень благоговейно относился к каждому священнодействию. Было практически невозможно видеть его разговаривающим с кем-либо во время богослужения. Он предстоял Богу «в страхе и трепете». Поэтому с такой глубокой болью он переживал проявление невнимательности, непонимания важности момента службы со стороны тех, кто приходил в храм. Для владыки Антония богослужение всегда исключало посторонние разговоры, а всё то, что касалось самой службы, должно было быть приготовлено заранее. Стремление сохранить во время молитвы в храме тишину, внешнее спокойствие, пресечь излишнюю суетливость, — это своего рода завет митрополита Антония всем своим собратьям — священникам и архиереям. Глубоко русский по духу, владыка неизменно боролся с «русской привычкой» разговаривать во время богослужения. Известен также случай, когда он приостановил службу из-за того, что две дамы, вошедшие в храм, стали о чём-то очень оживлённо беседовать. Для владыки Антония был непреложен закон: «когда мы вступаем в храм, мы уже должны быть погружены в страшное чудо нашей встречи и нашего соединения с Богом». Потому что «Церковь — это не только человеческое общество, какими бы ни были его свойства, но что это общество одновременно и равно человеческое и Божественное: Бог и человек в их встрече, в их взаимной отдаче друг другу, в их соединении; это место этой встречи, это сама сущность этой встречи».

Поэтому закономерно, что высокое призвание священнослужителя: дьякона, священника, епископа, — владыка Антоний видит в поручении «освящать мир, если нужно, ценой своей жизни...» «И связь между народом, прислужником, иподиаконом, диаконом, священником, епископом должна быть совершенно тесна. Это одно тело, в котором каждый исполняет свою какую-то задачу, но задача всех — весь мир освятить, то есть вырвать из плена зла и отдать Богу».